

БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

BIBLICAL ARCHETEXTUALITY AS A FACTOR FORMATION OF THE LITERARY LANGUAGE AND NATIONAL LITERATURE

Г.В. Синоло

G.V. Sinilo

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: sinilo@mail.ru

Исследуется роль Библии в становлении литературного языка и национальной литературы в различных европейских культурах. Показано, что освоение Библии на родном языке, творческое соревнование с ней писателей, становится базой для формирования многих национальных литератур, особенно немецкой. Наиболее важными факторами становления немецкого литературного языка явились перевод Библии с оригинала, выполненный М. Лютером, и деятельность немецких поэтов XVII в., прежде всего М. Опица и его последователей, для которых Библия выступает в роли «осевого» архетекста.

We explore the role of the Bible in the formation of the literary language and national literature in various European cultures. We show that the assimilation of the Bible in the native language, the creative competition of writers with it, becomes the basis for the formation of many national literatures, especially German. The most important factors in the formation of the German literary language were the translation of the Bible from the original by M. Luther, and the activities of German poets of the 17th century, primarily M. Opitz and his followers, for whom the Bible acts as an "axial" archetext.

Ключевые слова: Библия; «осевой» архетекст; библейская архетекстуальность; литературный язык; национальная литература; М. Лютер; немецкая поэзия XVII в.; М. Опиц.

Keywords: Bible; "axial" archetext; biblical archetextuality; literary language; national literature; M. Luther; German poetry of the 17th century; M. Opitz.

Среди великих текстов, существующих в мире, есть совершенно особые, влияние которых на отдельные национальные культуры и на культуру мировую огромно, так что его трудно переоценить. Особенно это касается древних текстов, которые обрели в той или иной культуре статус сакрального текста, Священного Писания. Чаще всего такой древний текст становится фундаментом или, точнее, осью той или иной

культуры, вокруг которой она выстраивает свои генеральные смыслы и продуцирует новые тексты. Таковы, например, Веды для культуры индуизма и, шире, индийской культуры в целом или Коран для арабской культуры и различных культур мусульманского ареала. Такого рода древний текст, обладающий повышенной аксиологической и эстетической значимостью, высокой степенью цитируемости и реинтерпретируемости, выполняющий смыслополагающую и текстопорождающую функции, мы можем назвать «осевым» архетекстом. Для многочисленных культур иудейско-христианского ареала, в том числе и для европейской культуры, «осевым» архетекстом, безусловно, является Библия. Можно утверждать, что современная европейская цивилизация начинает формироваться сначала в момент встречи двух культур классического, или «нового», Древнего мира (условно – 1-е тыс. до н. э.; все, что до этого – 4–2-е тыс. до н. э. – архаический, или «старый», Древний мир), в наибольшей степени повлиявших на европейскую культуру, – эллинской и древнееврейской

Библия стала важнейшим фактором последующего культурного и литературного развития, особенно в рамках европейской цивилизации. Она дала новый импульс не только религиозно-этическим, но и эстетическим поискам, предложила новый эталон языка в сравнении с античной (греческой и латинской) нормой, а также обусловила их неповторимый сплав. Этот сплав ощутим уже в Септуагинте, значение которой огромно прежде всего для культуры восточнохристианского мира, однако черты поэтики, свойственные древнееврейскому оригиналу, в ней доминируют. В свою очередь особенности библейской стилистики на латыни органично воссоздает в Вульгате Иероним Блаженный, создавая художественный эталон для средневековой латинской литературы. Именно Вульгата определила особый библейский слух образованных европейцев эпохи Средневековья и подарила огромное количество латинских афоризмов и крылатых выражений.

Можно утверждать, что европейская культура в целом несет в себе сплав античного и библейского начал. Однако степень органичности их сплава или смысловое и стилевое доминирование того или иного начала в каждую конкретную эпоху могут служить критерием оценки отдельных историко-культурных эпох, средством уяснения их духовно-эстетических интенций, их специфики, уточнения периодизации европейской культуры. При этом, безусловно, преобладание античного начала всегда ощутимее и очевиднее (в прямом смысле слова – «видны очам») в архитектуре, скульптуре, живописи – в силу значимости для их создания и восприятия «культуры зрения». В свою очередь превалирование библейского начала ощутимее для видов искусства, ориентиро-

ванных на слух, на «культуру слуха», – для музыки и литературы, особенно лирической поэзии. Однако и для всех видов искусств возможен органичный синтез двух начал.

Библия в составе двух Заветов, завершенная к началу II в. н. э. и канонизированная окончательно в IV в., стала непререкаемым духовным эталоном и художественным образцом стиля уже для самых первых христианских писателей II–V вв., а затем для европейской средневековой культуры и литературы, хотя как эстетический феномен ее еще не воспринимают на уровне рациональном, зато переживают интуитивно. С.С. Аверинцев отмечает, что «для Европы на протяжении всего Средневековья чтимое наследие первых веков христианства остается мерой всех вещей, универсальным образцом для собственного творчества» [1, с. 515]. Ярким примером этого могут служить и восточнохристианская литература на греческом (Ориген Александрийский, Василий Кесарийский, Григорий Нисский, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец, Андрей Критский и др.), восточноарамейском, или сирийском (Бардесан, Гармоний, Ефрем Сирий и др.), коптском, армянском, древнерусском (восточнославянском) языках, и западнохристианская на латинском языке (Бозций, Августин Блаженный, поэзия Каролингского возрождения, а затем религиозная литература Зрелого Средневековья). Тот образец стиля, который создал Иероним Стридонский в Вульгате, в соединении с традицией классической римской поэзии стал основополагающим для неолатинских поэтов эпохи Ренессанса и начала Нового времени – Иоанна Секунда, Эразма Роттердамского, Гуго Грюция, хотя, безусловно, важнейшим смыслопорождающим текстом, т. е. архетекстом, для них остается именно Библия.

Заметим, что одновременно Библия становится постепенно важнейшим фактором формирования национального самосознания и выражения его в слове на родном языке, без чего, собственно, и невозможно формирование подлинно национального духа. И важно было, что этот дух уже с эпохи Средневековья покоился преимущественно на библейских основаниях. При всем превалировании ценностей универсальных, христианских, при всей значимости, особенно в эпоху Раннего Средневековья, архетипов и мифологем языческого мышления, постепенно свое, национальное, даже идея национальной независимости, находит воплощение в литературе с помощью библейских духовных смыслов и библейской стилистики. Это особенно очевидно в творчестве выдающегося немецкого миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде, которого неслучайно называют первым национальным поэтом Германии (прежде всего это касается его шпрухов, в которых органично соединились немецкая фольклорная и библейская традиции, в то время как античное

влияние практически неощутимо). На стыке Средневековья и начинающегося Ренессанса это очевидно также в творчестве Данте, особенно в «Новой жизни» и «Божественной Комедии»: сурового флорентийца вдохновляет и сопровождает в путешествии по Аду Вергилий; он воссоздает многие образы античной культуры (как, например, Одиссея-Улисса); однако в целом поэтика Данте – и на уровне духовных смыслов, и на уровне стилистики – инспирирована Библией, прежде всего пророческими книгами и апокалиптикой; оба знаменитых произведения Данте – вершины так называемой визионерской литературы, непонятной вне контекста библейской поэтики.

Для развития славянских культур неоценимым был духовный и творческий подвиг создателей славянской письменности Мефодия (820–885) и Кирилла (Константина; ок. 826–869), переводчиков Библии на созданный ими на основе родного солунского наречия (г. Солуни – Фессалоник), моравского (в Великоморавское княжество входили земли чехов и словаков) и древнеболгарского языков книжный славянский язык (старославянский, наследником которого явился церковнославянский). Как известно, Кирилл был человеком широчайшей образованности: изучил не только греческий и латинский языки, но также древнееврейский и арабский. Благодаря усилиям Мефодия и Кирилла Библия стала «осевым» архетекстом славянских (особенно восточнославянских) культур, определившим весь ее духовный и образный строй. Библейская архетекстуальность, часто проявляющаяся в прямом цитировании библейских текстов, пронизывает и «Поучение» Владимира Мономаха, различные жития, проповеди и поэзию Кирилла Туровского, равно как и практически все более-менее значимые в религиозно-духовном отношении произведения древнерусской и старобелорусской литератур. Очень важным, но, к сожалению, не осознанным вовремя событием для белорусской культуры (и восточнославянской в целом) стал перевод Библии, выполненный белорусским просветителем Франциском Скориной (ок. 1490 – до 1552) и названный им «Бивлия руска» («Русская Библия»). Она была издана в Праге и Вильне в 1517–1519 гг. и обращена к «людям простым посполитым» (т. е. к людям светским). В языке Библии Ф. Скорины соединились элементы церковнославянского, древнерусского и старобелорусского языков. Совершенно очевидно, что топика и поэтика Библии стимулировали собственное творчество Ф. Скорины в его комментариях к библейским книгам, в том числе и в поэзии, включенной в эти комментарии. И хотя перевод Ф. Скорины выполнен не с оригинала, а в основном с латинского и церковнославянского переводов Библии, он, подобно Иерониму Стридонскому, стремится пояснить в каждой книге ее оригинальное название, транслитери-

руя кириллицей написание слов на иврите, вникает в значение наиболее сложных и труднопереводимых слов и словосочетаний в оригинале. Во многих такого рода комментариях очевидно обращение Ф. Скорины к языку евреев-ашкеназов, с которыми он явно консультировался по поводу звучания и значения названий библейских книг и отдельных выражений.

Важно, что в эпоху Позднего Ренессанса, на пороге Нового времени, все более осознается необходимость освоения Библии на живых национальных языках. Для многих культур перевод Библии на адаптация великого пласта разнообразной религиозно-философской, этической, духовной лексики, равно как и воспроизведение на родном языке разнообразных жанров библейской прозы и поэзии, и творческое соревнование с Библией, стало самым большим импульсом к становлению литературного языка и, соответственно, литературы на нем. Особенно наглядный пример такого рода – и первый по времени – дала немецкая культура. Первым переводом Библии с оригинала на живой европейский язык стал именно перевод на немецкий, выполненный Мартином Лютером (1483–1546). При этом следует заметить, что отдельные фрагменты Еврейской Библии еще раньше были переведены с иврита выдающимся немецким гуманистом и филологом-гебраистом Иоганном Рейхлином (1455–1522), в самое трудное для немецких евреев время выступившим против гонений на них и шельмования еврейской культуры. В 1506 г. И. Рейхлин составил грамматику иврита со словарем и перевел фрагменты из Ветхого Завета, указав на недостатки и ошибки существовавших на то время переводов не с оригинала, искажающих смысл Писания. И. Рейхлин подготовил выдающегося гебраиста и знатока Писания – своего внучатого племянника Филиппа Меланхтона (Ф. Шварцерд, 1497–1560), прозванного «учителем Германии» (*Praeceptor Germaniae*), выдающегося гуманиста, теолога, сподвижника Лютера и главного его помощника в деле создания перевода Библии. Однако именно Лютер с командой его помощников выполнил *первый полный* перевод Библии на немецкий язык с оригинала (Ветхий Завет – с иврита, Новый Завет – с греческого), что позволило избежать очень многих ошибок, типичных для перевода с перевода. Важно также, что для перевода Ветхого Завета Лютер решил взять оригинальное издание Еврейской Библии (*Biblia Hebraica*) – Танаха, сверенное по Масоре (окончательный канонизированный и вокализованный текст еврейского Священного Писания), что и придало новое качество как в плане точности, так и в эстетическом плане его переводу.

Перевод М. Лютера, выполненный с огромным вдохновением и большой художественной силой, чему немало способствовал его неза-

урядный поэтический талант, родился как результат почти четвертьвекового труда сына рудокопа из Эйслебена в Саксонии, ставшего профессором теологии Виттенбергского университета. Он полагал, что спасение не может быть даровано человеку Церковью при помощи таинств, но возможно лишь с помощью веры, даруемой Богом. Только тогда «внутренний человек» (выражение мистика XIV в. Иоганна Таулера) может соединиться с Богом, или, по слову учителя Таулера, великого мистика Майстера Экхарта, Бог может родиться в душе человека, а душа – в Боге. Тогда, продолжает их размышления Лютер, человек обретает истинные свободу и спасение, тогда душа становится супругой Христа, а Христос принимает на себя все ее грехи и дарует блаженство («Von der Freiheit eines Christenmenschen» – «О свободе христианина», 1520). Согласно Лютеру, подлинная встреча с Богом возможна лишь в Слове Божьем. Имея это Слово, душа «уже не нуждается ни в чем, ибо в этом Слове находит она достаточно пищи, радости, мира, света, искусства, справедливости, правды, мудрости, свободы и всякого добра в изобилии» (цит. по: [2, с. 276]). Именно поэтому Лютер, бывший, по выражению Генриха Гейне, «не только языком, но и мечом своего времени», бросил резкий вызов Католической Церкви и противопоставил ее догматам авторитет Священного Писания. Он решил сделать Библию книгой, которую будут читать в каждом немецком доме, и добился этого. Используя грамматическую норму Саксонской канцелярии, Лютер в то же время в изобилии черпал материал из живой народной речи, обнаруживая изумительное языковое чутье, демонстрируя высочайшие качества немецкого языка, его богатейшие выразительные и ритмические возможности. В «Послании о переводе» («Ein Sendbrief vom Dolmetschen», 1530) Лютер рассказал, как он и его соратники по великому переводу тщательно искали эквиваленты для многих трудных слов и выражений оригинала – искали иногда несколько недель или даже месяцев и все же, как честно признается Лютер, не всегда находили. Перевод всей Библии был завершен в 1534 г., а в 1542 г. вышло последнее авторизованное издание, получившее широчайшее распространение по всей стране и положившее начало и современной немецкой прозе, и современной немецкой поэзии.

Показательно, однако, что задолго до начала тотального перевода ветхозаветного текста (он переводился после Нового Завета) Лютер еще в 1517 г. выполнил перевод ряда Псалмов, проявив незаурядное языковое мастерство, а в 1524 г. выпустил немецкое издание Псалтири – знаменитой библейской антологии религиозно-философской лирики, где человеческая душа ведет нескончаемый диалог с Богом. Это была та книга, которая больше всего притягивала к себе сердце «виттенбергско-

го соловья», как назвал Лютера Ганс Сакс. Переводы Псалмов, выполненные М. Лютером, отличаются высокими поэтическими качествами – при стремлении максимально приблизиться к смыслу оригинала и сохранить очень важные семантические и синтаксические параллелизмы, как, например, в переводе Псалма 1-го: «Wohl dem, der nicht wandelt im Rat der Gottlosen...» (*Ps 1:1*) [3, S. 537] (дословно: «Благо тому, кто не ходил на совет безбожных...»; в оригинале: «Блажен [счастлив] муж [человек], который не ходил на совет [по совету] нечестивых...»; ср. перевод С. С. Аверинцева: «Блажен, кто совета с лукавыми не устроил...» [4, с. 190]). Особенно впечатляющ финал, полностью передающий ритмическую структуру оригинала: «Denn der Herr kennt den Weg der Gerechten, / aber der Gottlosen Weg vergeht» (*Ps 1:6*) [3, S. 537] (ср. перевод С. С. Аверинцева: «Путь праведных ведает Господь, / но потеряян лукавых путь» [4, с. 191]).

М. Лютер положил также начало великой традиции переложения Псалмов в европейских литературах на национальных языках, соединив в своих переложениях язык Псалмопевца Давида и великих пророков с немецким народным мелосом. До сих пор поражает бурная душевная динамика переложения Псалма 130-го (в Септуагинте и вслед за ней в Славянской Библии – 129-го): «Aus der Tiefe rufe ich, Herr, zu Dir...» («Из глубины взываю к Тебе, Господи...»). А знаменитое переложение Псалма 46/45-го – «Ein feste burg ist vnser Gott...» («Прочная крепость – наш Бог...») – является самым знаменитым лютеранским хоралом. Лютеровское обращение к Псалтири предопределило поиски очень многих немецких и – шире – протестантских (нидерландских, французских, английских) поэтов рубежа XVI–XVII вв., перелагавших (часто полностью) Псалтирь и подражавших ей. Достаточно упомянуть знаменитые псалмы К. Маро, а также гугенотских поэтов П. де Гарроса, Ж. де Спонда, С. Сертона, Ж. Констанса, цикл сподвижника Ж. Кальвина, швейцарца Т. де Бёза «Христианские размышления по поводу восьми Псалмов Давида» (изд. в 1581 г.) и особенно – парафразы Псалмов гениального поэта переходного времени Т. А. д’Обинье, объединенные в цикл «Размышления по поводу Псалмов», насыщенный трагическими и глубоко философскими раздумьями над историей и современностью. Следует также напомнить, что на переломе к Новому времени, в 1570–1575 гг., начав переводить Псалмы с латинского языка на польский, свой собственный парафраз всей Псалтири создал великий польский поэт Ян Кохановский («Псалтирь Давидова», 1578), дав тем самым импульс подобным опытам в других славянских культурах, в том числе и «Псалтири рифмотворной» белорусского поэта Симеона По-

лоцкого, писавшего на старобелорусском, церковнославянском, латинском и польском языках.

Лютеровский перевод Библии стал своеобразным вызовом немецкой культуре и европейской в целом, стимулировав ее поиски на пути освоения Библии на национальных языках, перевода ее с оригинала. Так появились переводы Библии с оригинала во многих протестантских странах, а затем и католических. Во Франции, где в XVI в. интенсивно осваивают Библию на родном языке, в 1530 г. в Анвере выходит полный перевод Жака Лефевра д'Этапля (1450–1536), а в 1535 г. появляется перевод влиятельного кальвиниста Пьера-Робера Оливетана (1506–1538). Сложной и драматичной была история перевода Библии на английский язык, начавшаяся с перевода под руководством Джона Уиклифа (ок. 1330–1384), и это был перевод с перевода (с греческого и латыни). Перевод был запрещен в Англии. На Библию Уиклифа опирался первый английский протестантский переводчик Библии – Уильям Тиндал (ок. 1490–1536), который изучил греческий язык в Оксфорде и Кембридже, а древнееврейский, по-видимому, в Германии. Его перевод Нового Завета, в котором он ориентировался на немецкий перевод М. Лютера, был опубликован в Вормсе в 1525 г. В следующем году этот перевод попал в Англию, где был немедленно сожжен. Несмотря на церковное проклятие, перепечатки следовали одна за другой, многие попадали в Англию из Нидерландов. Первый том Ветхого Завета в переводе Тиндала вышел в 1530 г. Переводчик был арестован, но в тюрьме продолжил свою работу. В 1536 г. Тиндал как еретик был сожжен на костре в Вилворде близ Брюсселя. Тем временем Майлс Ковердейл, бывший сотрудник Тиндала, завершил его труд и выпустил в Германии Библию на английском языке (1535), которая вскоре попала в Англию и свободно там продавалась. Ковердейл не был столь образован, как Тиндал, не знал древнееврейского языка, поэтому завершал труд Тиндала, переводя с латыни (при этом заглядывал в труды Лютера, в Цюрихскую Библию и советовался с учеными-современниками). Тем не менее язык перевода Ковердейла оказался более органичным для английского языка, более певучим, чем у Тиндала. Особенно это касалось Книги Псалмов: Псалтирь в составе Большой Библии (1539), вышедшей под редакцией Ковердейла, до сих пор используется в англиканском служебнике. Благодаря художественным достоинствам перевод Ковердейла часто предпочитают переводу Псалмов из знаменитой Королевской Библии. В 1557 г. под руководством шотландского кальвиниста Джона Нокса (как предполагают, также при участии Ковердейла) английская община в Женеве выпустила Новый Завет и Псалтирь, а в 1560 г. – полное издание Библии, так называемую Женевскую Библию, известную

также под шутивным названием «Библия штанов», или «Библия бриджей», потому что знаменитый стих *Быт 3:7* («...и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания»; *Синод. перевод*) был переведен в ней следующим образом: «...и сшили смоковые листья, и сделали себе штаны». Несмотря на подобные ляпсусы Женевская Библия, в основе которой был улучшенный текст Большой Библии, являлась одним из самых научных переводов своего времени. Она выдержала 140 изданий и продолжала долго издаваться даже после появления Библии короля Иакова. Именно Женевскую Библию знал и цитировал Шекспир. Однако только в XVII в. был создан очень качественный полный перевод с оригинала – знаменитая английская Королевская Библия, или Библия короля Иакова I. Над этим переводом, санкционированным самим королем, работала целая командой богословов и ученых из Оксфорда и Кембриджа. Язык Королевской Библии стал эталоном английского языка, предопределившим вплоть до «Листьев травы» Уолта Уитмена поиски англоязычной поэзии.

И все же особенно наглядна роль Библии и библейской поэзии в становлении немецкого литературного языка и фундамента классической немецкой поэзии. В Германии не было светского Ренессанса, как в Италии, Франции, Испании, Англии, и во многом именно поэтому не было литературы на немецком языке. Разговорный немецкий язык фигурировал только в «низовой» сатирической литературе – у С. Бранта, Г. Сакса, но не было ни философской, ни любовной лирики, а также прозы на немецком языке. Единственные образцы таковых фигурировали в Библии Лютера и в его же переложениях Псалмов. В эпоху Реформации немецкие гуманисты писали на латыни, и эта ситуация продлилась и на рубеже XVI–XVII в. и даже в первой половине XVII в., обернувшейся для Германии страшной гуманитарной катастрофой в связи с событиями Тридцатилетней войны (1618–1648), в которой немцы потеряли три четверти населения. Ярким знаком общего упадка стал упадок языка – одна из острейших проблем немецкой культуры конца XVI – первой половины XVII в. В аристократическом обществе царило повальное увлечение французским языком, но так же широко была распространена латынь, которая абсолютно доминировала в ученой среде, в классических гимназиях и университетах, где преподавание велось только на латыни. Статус латыни прекрасно определен в иронической эпиграмме-загадке Г. Ф. Гарсдёрфера «Латынь»: «Рим был мне родной. С приходом чужеземцев / Меня изгнали прочь. Теперь живу у немцев» (*перевод Л. Гинзбурга*) [5, с. 81]. Действительно, нигде латынь не чувствовала себя так замечательно, нигде не знали ее так хорошо, как в Германии. Немецкие поэты и в XVI, и в начале XVII в. писали преиму-

щественно на латыни (показательно, например, творчество крупного неолатинского поэта Якоба Бальде, 1604–1668). Немецкий язык находит прибежище только в Лютеранской Церкви, которая после появления лютеровского перевода Библии перешла на богослужение на немецком языке. В самом же переводе Библии, как уже отмечалось ранее, представлены первые образцы религиозно-философской поэзии и прозы на немецком языке. В Германии складывается своеобразный «трехэтажный» (трехязычный) жаргон, который даже воспринимался как верх изящества: французский, латынь, немецкий. Верхний «этаж», если это была аристократическая среда, занимал французский, в среде университетской – латынь; только нижний «этаж» был отведен для немецкого.

Задача защиты языка была в центре усилий немецких языковых обществ (*Sprachgesellschaften*). Самым первым и самым влиятельным из них было созданное в Веймаре «Плодоносящее общество» («Fruchtbringende Gesellschaft», 1617–1662). Поначалу оно было чисто дворянским, но впоследствии в него получили доступ выдающиеся писатели и ученые бюргерского происхождения, чрезвычайно много сделавшие для развития немецкого языка: М. Опиц, А. Грифиус, И.М. Мошерош, выдающийся латинист А. Бухнер. Общую тревогу по поводу состояния немецкого языка, отсутствия на нем поэзии наиболее афористично и глубоко выразил М. Опиц в своем посвящении «Нидерландским стихотворениям» (1616) выдающегося нидерландского поэта Даниэла Хейнсия («Auff Danielis Heinsii Niederländische Poëmata»): «Die Deutsche Poesie war gantz und gar verlohren, / Wir wusten selber kaum von wannen wir gebohren; / Die Sprache vor der vor viel Feind' erschrocken sind / Vergassen wir mit Fleiss' und schlugen sie in Wind» [6, S. 19] («Поэзию свою мы напрочь растеряли, / Забыли напрочь мы, что немки нас рожали, / Язык, которого боялся враг любой, / Развеян прахом, мы забыли звук родной»; *перевод Г. Ратгауза*; цит. по: [7, с. 171]). Вслед за «Плодоносящим обществом» возникли «Почтенное общество Ели» («Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen») в Страсбурге (1633), «Орден Розы» («Rosenorden») в Гамбурге (1643), «Орден Эльбских лебедей» («Elbschwanenorden») в Голштинии (1656). Все они немало способствовали развитию немецкого языка, но прежде всего – поэты, которые избирали его языком своего творчества.

Особенно велики заслуги в создании литературного немецкого языка и фундамента национальной поэзии Мартина Опиц (Martin Opitz, 1597–1639), который стал первым истинно национальным немецким поэтом, реформатором немецкой поэзии, создателем Первой Силезской школы поэтов. За отпущенные ему сорок с небольшим лет жизни (из них – чуть более двадцати лет творческой деятельности) он сумел кар-

динально изменить облик не только немецкой поэзии, но и всей культуры в целом. Именно Опиц убедил немецких поэтов отказаться от мнения, что родной язык беднее и грубее латинского, итальянского, французского. Всем своим творчеством он доказывал, что и на нем можно создавать поэтические шедевры. Он ввел в немецкую поэзию последовательную силлаботонику и разработал принципы силлабо-тонического стихосложения, а также эстетику и поэтику, опирающиеся на принципы классицизма. Однако в его собственной поэзии, как и в творчестве его учеников, преобладают черты барокко, которые соединяются с некоторыми установками и стилевыми тенденциями классицизма.

Одним из важнейших начинаний Опица в немецкой поэзии был его свободный, не связанный с сугубо религиозными или литургическими задачами диалог с Библией. В его наследии – переложения библейских книг, в том числе Книги Плача, Песни Песней, Псалмов («Die Psalmen Davids», 1637), духовные стихотворения («Geistliche Poëmata», 1638). По мотивам второканонической Книги Юдифь Опиц создает библейскую драму «Юдифь» (1635), в которой прославляет подвиг отважной женщины во имя спасения родины. Впервые именно под пером Опица – и благодаря его творческому обращению к библейским лирическим книгам – возникла немецкая любовная, философская, гражданская лирика. В его главном произведении, посвященном трагедии немецкого народа в годы Тридцатилетней войны, – поэме «Слово утешения среди бедствий войны» («Trost-Gedicht in der Widerwertigkeit des Krieges», 1620–1621; опублик. в 1633 г.) огромную роль играет библейская архетекстуальность.

Вслед за Опицем стали писать на немецком языке его ученики Пауль Флеминг, Фридрих фон Логау и другие. Немецкая поэзия достигла своей высочайшей вершины в творчестве крупнейшего поэта немецкого барокко Андреаса Грифиуса, который находился в постоянном интенсивном диалоге с Библией. И если в начале XVII в. поэзия на немецком языке казалась совершенно невозможной, то уже в конце столетия глава Второй Силезской школы Кристиан Гофман фон Гофмансвальдау получил в Париже титул короля европейских поэтов. И если в начале XVII в. века философская проза великого мистика Якоба Бёме, покоящаяся на библейских смыслах, насыщенная библейской топикой, вызывала только насмешки аристократической публики, то в следующем столетии немецкий язык общепризнанно станет языком философии.

Таким образом, для многих европейских культур освоение Библии, ее перевод с оригинала на родной язык, а затем творческое соревнование с ней поэтов стали важнейшими стимулами и факторами становления литературного языка и подлинно национальной литературы, без

которой невозможно формирование национального самосознания. Одновременно Библия была и остается источником универсальных ценностей. Особенно очевидна значимость библейской архетекстуальности, живого диалога с Библией для немецкой культуры и литературы эпохи Реформации и XVII в., когда закладывается фундамент немецкого литературного языка и создается подлинно национальная литература на этом языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 515.
2. Пуришев Б.И. Реформация и Мартин Лютер // История немецкой литературы: в 5 т. М.: Наука, 1962. Т. 1. С. 275–285.
3. Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1999.
4. Арфа царя Давида: у истоков древнейшей лирической традиции / вступ. и пер. с древнеевр. С.С. Аверинцева // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195.
5. Немецкая поэзия XVII века / пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. М.: Художественная литература, 1976.
6. Gedichte des Barock / hrsg. von U. Maché und V. Meid. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005.
7. История немецкой литературы: в 3 т. / пер. с нем. под ред. А.С. Дмитриева. М.: Радуга, 1985. Т. 1.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

FEEDBACK AS A TOOL FOR IMPROVING THE EDUCATIONAL PROCESS

Н.А. Телюк

N.A. Tsialiuk

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: tsialiuk@bsu.by

В статье обсуждаются проблемы качества высшего образования и поиска инструментов его постоянного повышения. Рассмотрены результаты анализа обратной связи студент-преподаватель при освоении студентами курса «Безопасность жизнедеятельности человека» и дистанционной формы обучения.

The article discusses the problems of the quality of higher education and searching for continuous improvement tools. The results of the student-teacher feedback analysis during the «Human life safety» course and distance learning are considered.